Научная статья
УДК 342.724
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34
С. 30–34

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ: АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Андрей Вадимович Нечкин

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия
a.nechkin@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-3032-9240

Аннотация. В статье проводится анализ терминологического аппарата действующего российского законодательства, регулирующего правовое положение коренных малочисленных народов. Автор отмечает, что международно-правовые понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, со всем присущим им колониальным оттенком, мало пригодны для употребления в России, чей многонациональный народ явился итогом не имеющего себе аналогов в мире этногенеза, отличительными чертами которого являются длительность, мирный характер протекания и недостаточная научная изученность. Понятие коренные малочисленные народы, в свою очередь, позволяет одновременно отразить, во-первых, процесс этногенеза многонационального народа России, который строился на принципах зачастую мирного объединения других народов вокруг русского народа с целью взаимовыгодного сотрудничества. И, во-вторых, объективную малочисленность отдельных народов, входящих в единый многонациональный народ России. Кроме того, именно это понятие закреплено в Конституции РФ. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что нормативно установленные определения, используемых в российском законодательстве, понятий коренные малочисленные народы и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока требуют корректировки, возможные варианты которой предлагаются автором в конце статьи.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; национальные меньшинства; коренные народы; многонациональный народ

Для цитирования: Нечкин А. В. Коренные малочисленные народы России: анализ терминологического аппарата действующего российского законодательства // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 30–34. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34

Research article

INDIGENOUS MINORITY PEOPLES OF RUSSIA: ANALYSIS OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF CURRENT RUSSIAN LEGISLATION

Andrey V. Nechkin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
a.nechkin@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-3032-9240

Abstract. This article analyzes the terminology of current Russian legislation regulating the legal status of indigenous minority peoples. The author notes that the international legal concepts of indigenous peoples and tribal peoples, with all their inherent colonial connotations, are ill-suited for use in Russia, whose multinational nation is the result of a unique ethnogenesis characterized by its long duration, peaceful nature, and insufficient scientific study. The concept of indigenous minority peoples, in turn, allows us to simultaneously reflect, firstly, the process of ethnogenesis of the multinational people of Russia, which was built on the principles of the often peaceful unification of other peoples around the Russian people for the purpose of mutually beneficial cooperation. And, secondly, it reflects the objective smallness of the individual peoples comprising the single multinational people of Russia. Furthermore, this concept is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the norma-

© Нечкин А. В.

tively established definitions used in Russian legislation of the concepts of indigenous minority peoples and indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East require adjustment, possible options for which are proposed by the author at the end of the article.

Keywords: indigenous minority peoples; indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; national minorities; indigenous peoples; multinational people

For citation: Nechkin AV. Indigenous Minority Peoples of Russia: Analysis of the Terminological Apparatus of Current Russian Legislation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):30-34. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-30-34

Введение

В соответствии с положениями актуальной редакции Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[1], коренными малочисленными народами Российской Федерации (КМН РФ) считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Нельзя не отметить, что понятие КМН РФ является исключительно продуктом отечественной правовой мысли и не используется на международно-правовом уровне. На уровне международных правовых актов используются понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни. Причем, под коренными народами Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 года[2] понимает потомков тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты. А под народами, ведущими племенной образ жизни — народы, проживающие в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством.

Очевидно, что международно-правовые понятия коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, со всем присущим им колониальным оттенком, мало пригодны для употребления в России, чей многонациональный народ явился итогом не имеющего себе аналогов в мире этногенеза, отличительными чертами которого являются длительность, мирный характер протекания и, конечно же, недостаточная научная изученность.

Понятие КМН РФ, в свою очередь, позволяет одновременно отразить, во-первых, процесс этногенеза многонационального народа России, который строился на принципах зачастую мирного объединения других народов вокруг русского народа с целью взаимовыгодного сотрудничества. И, во-вторых, объективную малочисленность отдельных народов, входящих в единый многонациональный народ России. Кроме того, именно понятие КМН закреплено в Конституции РФ.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие правовое положение коренных малочисленных народов на территории Российской Федерации, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ нормативных правовых источников, а также герменевтический метод.

Описание исследования

Помимо понятия КМН РФ в российском федеральном законодательстве используется также, вероятно, более узкое по объему понятие коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНСиДВ РФ) — народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Вероятность в вопросе соотношения объема понятий КМН и КМНСиДВ объясняется тем, что в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» понятие КМНСиДВ вообще не упоминается, а появляется в положениях Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», в котором, в свою очередь не используется понятие КМН.

[1] О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 18.03.2026)

[2] Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Женева, 27 июня 1989 г.) // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/2541271/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Нечкин А. В.

С точки зрения правил юридической техники подобная ситуация является недопустимой и требует нормативно закрепленного уточнения, в положениях обоих упомянутых выше федеральных законов, с целью устранения имеющейся правовой неопределенности. В этой связи, нельзя также не отметить, что в литературе довольно часто обращается внимание на несовершенство действующего российского законодательства, регулирующего правовое положение КМН [1; 2; 3; 4; 5; 6], в том числе и в сравнительно-правовом ключе [7].

Понятия схожие понятиям КМН и КМНСиДВ используются также и в законах ряда субъектов РФ, таких как Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (ХМАО–Югра), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Сахалинская область. Причем, определения данным понятиям даются в законах только двух упомянутых выше субъектов РФ — Сахалинской области и ЯНАО.

На территории Сахалинской области, в соответствии с положениями Закона «О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области», коренными малочисленными народами Севера (КМНС) Сахалинской области признаются народы, проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (нанайцы, нивхи, ороки (ульта), эвенки).

На территории ЯНАО, согласно положениям Закона «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», КМНС в автономном округе признаются народы (ненцы, ханты, селькупы), проживающие в автономном округе на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, осознающие себя самостоятельными этническими общностями и насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек.

В Республике Саха (Якутия) Закон «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)»[3], используя понятие КМНС, отсылает нас к положениям Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», используя при этом еще и понятия абориген — коренной житель страны, местности, этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), и, соответственно, аборигенный этнос Республики Саха (Якутия), при одновременном перечислении таковых (долганы, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, представители народов Севера, включенных в перечень коренных малочисленных народов РФ, проживающие в Республике Саха (Якутия)).

В ХМАО — Югре Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре»[4], также используя понятие КМНС, прямо указывает на то, что к таковым в ХМАО — Югре причисляются только ханты, манси и ненцы.

Используемое в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» понятие КМН РФ закрепляет следующие признаки коренных малочисленных народов: численность в Российской Федерации менее 50 тысяч человек; ведение традиционного образа жизни, осуществление традиционной хозяйственной деятельности и занятие традиционными промыслами; проживание на территориях традиционного расселения своих предков; осознание себя самостоятельными этническими общностями.

Признак «численность в Российской Федерации менее 50 тысяч человек», очевидно был введен законодателем с целью наиболее объективно оценить малочисленность того или иного народа. Однако, при практическом применении, основанном на строгом соблюдении принципа законности, объективно оценить малочисленность того или иного народа данный признак и не позволяет. Так при буквальном следовании положениям Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к числу коренных малочисленных народов мы уже не можем отнести народ с численностью на территории РФ в 50 001 человек, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями для конкретных представителей данного народа.

Соответственно, для придания обсуждаемому признаку большей объективности следовало бы рекомендовать установить границу численности не путем указания конкретной цифры (менее 50 000 человек), а путем установления интервала в таковой численности. Например, указав, что КМН РФ считаются народы, численность представителей которых, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Признак «ведение традиционного образа жизни, осуществление традиционной хозяйственной деятельности и занятие традиционными промыслами» был введен законодателем для того, чтобы отметить отличия социально экономического уклада жизни представителей КМН, от социально-экономического уклада современного общества, который все еще не является для большинства представителей этих народов определяющим, в части обеспечения своей жизнедеятельности.

При этом, федеральный законодатель не дает нам даже минимального набора критериев отнесения той

[3] См.: URL: https://base.garant.ru/26704354/ (дата обращения: 18.03.2026).

[4] См.: URL: https://base.garant.ru/12122856/ (дата обращения: 18.03.2026).

© Нечкин А. В.

или иной хозяйственной деятельности к числу традиционных, например, по части способа ее осуществления. Вместе с тем, вполне логичными видятся различия, например, в рыболовстве, которым человечество традиционно занимается до настоящих дней с самого момента своего зарождения и, которое, к слову сказать, входит в «Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ».

Не секрет, что рыболовство можно осуществлять традиционными способами, например, с применением сетей изготовленных вручную из природных материалов или с применением новейших технических средств, например, сетей из синтетических особо прочных материалов, эхолотов, химических приманок и т. д., что, в свою очередь, повышает эффективность данного вида человеческой деятельности, но в тоже время усиливает антропогенное воздействие на окружающую среду.

Указание на традиционность образа жизни в качестве обязательного признака видится вообще излишним, потому как даже до самых отдаленных мест проживания коренных малочисленных народов уже дошли достижения современной цивилизации, например, в виде лекарств, синтетических материалов, транспортных средств и средств связи, которые в своей совокупности не позволяют однозначно сказать о том, что те или иные народы до сих пор в полной мере ведут традиционный образ жизни. Таким образом, целесообразней было бы сформулировать данный признак следующим образом — КМН РФ считаются народы, для которых традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием их существования.

Признак «проживание на территориях традиционного расселения своих предков», представляется крайне неудачно сформулированным с точки зрения юридической техники, потому как порождает юридико-лингвистическую неопределенность в понимании термина «территория традиционного расселения предков».

Не секрет, что практически любой народ, независимо от места фактического проживания и численности, под влиянием различных объективных и субъективных факторов в течение всей своей истории существования неоднократно менял места своего компактного проживания. Причем, у народов до недавнего времени не имевших даже письменности доподлинно установить места расселения их предков представляется довольно затруднительным.

Вообще если говорить о нормативной привязке КМН к конкретной территории, то формулировки, используемые в законах некоторых субъектов РФ, представляются более удачными с точки зрения обеспечения определенности нормативного правого регулирования. Не зря отдельные авторы прямо говорят о том, что «в субъектах РФ мы видим множество примеров опережающего регулирования в данной сфере, которые было бы полезно воспринять федеральному законодателю» [1, с. 45].

В качестве примера можно привести, уже упоминавшийся выше, Закон Сахалинской области «О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области», предполагающий, что к числу КМНС следует относить народы, «проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов».

Кроме того, нельзя не отметить, что в положениях Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» упоминаются именно места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН, перечень которых утвержден Правительством РФ.

При обсуждении данного признака КМН нельзя также обойти вниманием и определение понятия КМНСиДВ, которое предполагает, что к таковым народам следует относить народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Из положений Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» остается непонятным, что понимать под районами Севера, Сибири и Дальнего Востока и где нормативно закреплены их границы. В этом смысле более удачной видится привязка понятия КМНСиДВ к субъектам РФ или, что видится еще более рациональным — к федеральным округам РФ (Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному).

Таким образом, под КМН РФ можно бы было понимать народы, проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ, а под КМНСиДВ РФ народы, проживающие в субъектах РФ, относящихся к Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН РФ.

Признак «осознание себя самостоятельными этническими общностями», с точки зрения правил юридической техники, представляется наиболее неудачно сформулированным из всех рассмотренных выше признаков и требует конкретизации в части понятия «самостоятельная этническая общность».

Для корректировки данного признака, по нашему мнению, можно использовать опыт Республики Саха (Якутия), где в положениях Закона Республики Саха (Якутия) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» нормативно закрепляется определение понятия «этнос».

Представляется, что законодатель, вводя данный признак, подразумевал, что КМН должен быть исторически сложившейся на определенной территории устойчивой общностью людей, обладающей общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами.

© Нечкин А. В.

Заключение и вывод

Подводя итог, необходимо отметить, что нормативно установленные определения понятий КМН РФ и КМНСиДВ РФ требуют корректировки. Итак, под КМН РФ следовало бы понимать исторически сложившуюся устойчивую, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами, общность людей, проживающую в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, для которой традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием существования, численность представителей которой, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Под КМНСиДВ РФ следовало бы понимать исторически сложившуюся устойчивую, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), описанными и зафиксированными этнологическими методами, общность людей, проживающую в субъектах РФ, относящихся к Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, для которой традиционная хозяйственная деятельность, осуществляемая традиционными способами, остается важнейшим условием существования, численность представителей которой, проживающих в Российской Федерации, не превышает интервала от 50 000 до 60 000 человек.

Список источников

1. Андриченко Л. В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 38–51. DOI: 10.12737/jrl.2020.066

2. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31–39. DOI: 10.12737/art_2019_5_3

3. Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 59–78. DOI: 10.17506/ryipl.2016.18.1.5978

4. Леонов А. В. Нормативно-правовое регулирование прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2024. № 4. С. 157–160.

5. Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Современное состояние основ правового положения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации и реализация конституционного принципа равноправия граждан Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1. С. 120–121.

6. Филиппова Н. А. Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 141–151. DOI: 10.34822/2312-3419-2021-2-141-151

7. Kumar A., Rudenko V., Filippova N. Constitutionalization of National Minority Rights in BRICS Countries (Brazil, India and Russia) // BRICS Law Journal. 2021. Vol. 8, No. 3. P. 30–66. DOI: 10.21684/2412-2343-2021-8-3-30-66

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нечкин Андрей Вадимович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: a.nechkin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Nechkin

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).
E-mail: a.nechkin@rambler.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.03.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Нечкин А. В.